

СОЦИАЛЬНЫЕ НАПРЯЖЕНИЯ И СТРУКТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ

П.И. Куконков

Преодоление кризиса российского общества тесно связано с глубокими социальными преобразованиями во всех сферах его жизнедеятельности, неизбежно сопровождаемыми ростом социальной напряженности. Причем желание определенных социальных структур изменить реальную ситуацию, не имеющее под собой в качестве основы объективного знания ее сущностных характеристик, нередко не только усиливает социальную напряженность и конфликтную активность, но и делает их общественно опасными [1]. Существенную угрозу для общества представляют стихийные, «дикие» конфликты, неконтролируемые, непредсказуемые с точки зрения их последствий.

Необходимо подчеркнуть значимость проблемы социальных напряжений и конфликтов внутри российских регионов, внимание к которой со стороны власти и ведущих исследовательских структур явно неадекватно их значимости в жизни России. Вместе с тем оптимизация уровня социальной напряженности в регионах России, способность региональных властей управлять конфликтами во многом определяют перспективы России в целом.

Проблемная ситуация, на наш взгляд, заключается в том, что, с одной стороны, в регионах России на эмпирическом уровне все чаще фиксируются напряжения и конфликты, с другой стороны, сколько-нибудь удовлетворительно не могут быть описаны проблемы их соотносительности, взаимопревращения, локально-территориальной обусловленности.

Исторически содержание социальной напряженности рассматривалось в связи с такими явлениями и отражающими их понятиями, как социальная дезинтеграция, отсутствие солидарности взаимодействующих личностей и групп, девиация (в отношении стабильного общества), аномия (в отношении нестабильного общества), утрата социальной идентичности, депривация и фрустрация личности, группы, общности, классовая борьба, межнациональные столкновения, наконец, социальный кризис и сопряженная с ним опасность социальной катастрофы как полной утраты управляемости общественными процессами и институтами, распада прежних общественных связей и отношений.

В неявном виде понятие социальной напряженности использует уже Э. Дюркгейм при анализе процесса дезинтеграции как разрыва социальных связей, утраты ценностных ориентиров, нарастания социальной аномии [2].

Т. Парсонс, вводя в состав социального действия понятие нормы, подчеркивает, что нормативный элемент, встречая сопротивление при реализации социального действия, является источником социальной напряженности и потенциального конфликта [3]. Данное положение имеет важное методологическое значение, поскольку не только определяет неразрывную связь явлений социальной напряженности и конфликта, но и фиксирует то, что социальная напряженность предшествует конфликту и при соответствующих условиях может перерасти в конфликт.

Категория социального напряжения, по Т. Парсонсу, характеризует некоторую тенденцию, обуславливающую возникновение дисбаланса в отношениях между

структурными элементами социальной системы: «Напряжение есть тенденция к нарушению равновесия в балансе обмена между двумя или более компонентами системы» [3, с. 482]. Т. Парсонс связывает дезинтеграцию общественной системы с неясностью и неопределенностью статусов и соответствующих им ролевых предписаний, следствием чего выступает нечеткость оценок деятельности различных социальных субъектов, политических деятелей, государственных лиц, руководителей, чиновников и т.п. Источники возникновения и усиления социального напряжения в системе он видит и в определенных внутренних состояниях их реальных участников, которые «распределяются вдоль основных осей надежды и страха, оптимизма и возбуждения... Обязательно в таких ситуациях будут возникать фантазии и утопические идеалы будущего состояния общества, идеализация прошлых состояний... Эти мотивационные компоненты оказываются общими симптомами возмущения в институционализации социальных структур» [3, с. 482].

Н. Смелзер в своей трактовке напряженности акцентирует внимание на ее действительной и внутренне мотивированной природе [4]. Для него исходной точкой перерастания напряженности в конфликт выступает ситуация неопределенности. Он акцентирует внимание на необходимости учета форм восприятия и переживания «неопределенной» ситуации ее участниками, накладывающих отпечаток на направленность и мотивацию их поведения. Причем формы реакции на неопределенность могут быть самыми разными: истерия, крайнее возбуждение, враждебность и насилие, поиск «козла отпущения», надежда на лучший исход.

Внимание исследователей к внутренне-мотивационной, духовной стороне социальной напряженности характерно и для отечественных конфликтологов, обратившихся к ее осмыслению на рубеже 80–90-х годов XX века. Так, с точки зрения В.О. Рукавишника, социальная напряженность — это не просто сигнал о кризисном состоянии системы, о нарушении баланса ее структур и функций. Не менее важно, что она выражает определенное духовное состояние индивидов и социальных групп, их неудовлетворенность существующим положением, отношение к происходящему и к другим индивидам и группам [5].

При всей методологической значимости упомянутых подходов в них, однако, не находит отражения важный для конфликтологического анализа аспект: при каких условиях и каким образом возникшая и продолжающаяся нарастать социальная напряженность превращается в реальный социальный конфликт. Понимание особенностей и механизма такого перехода составляет ключевой момент в понимании природы и особенностей развертывания социальных конфликтов, во всей методологии их анализа.

На наш взгляд, значительные возможности для описания рассматриваемого процесса открывает подход, в основе которого лежит понимание конфликта как определенного, завершающего этапа усиления неудовлетворенности различных социальных субъектов теми или иными сторонами их жизнедеятельности.

Процесс перехода от определяющего возникновения конфликтной ситуации объективного противоречия к отношению противоборства конфликтующих субъектов идет через осознание данного противоречия самими субъектами как сторонами возникшего противоречивого отношения. В определенном смысле, конфликт — не что иное, как осознанное противоречие. Социальная напряженность может быть определена как процесс обретения и усиления субъектности в пространстве социального недовольства, содержанием которого являются идентификация «своих» и «чужих», «возлагание ответственности», поиск «виновных».

Описанный подход позволяет зафиксировать момент трансформации противоречия как явления объективной реальности в феномен сознания социального субъекта, дающего толчок процессу усиления социальной напряженности и становления социального конфликта.

Мы исходим из того, что определенный уровень напряженности в социальной сфере российского региона в сочетании с эффективно функционирующими социальными институтами выступают в качестве необходимых условий своевременного и адекватного разрешения возникающих в этой сфере проблем, способствуют формированию эффективного механизма социального регулирования. Следует подчеркнуть, что социальная напряженность есть естественное, нормальное состояние развивающегося регионального социума. Вместе с тем, в жестких социальных системах или в системах, утративших внутренние стимулы развития, могут иметь место такие ситуации, когда уровень напряженности в социальной сфере отклоняется от нормы. Это проявляется, с одной стороны, в ослаблении состояния социальной напряженности ниже необходимого уровня, что имеет следствием заторможенность, апатию, пассивность, застой в социальной сфере и, наконец, несвоевременное и неадекватное разрешение возникающих проблем, накопление которых ведет регион к кризису. Другую тенденцию представляет собой повышение уровня социальной напряженности в регионе по сравнению с нормой, что, собственно, и имеется в виду, когда говорят о явлении «социальной напряженности».

В основе процесса аккумуляции потенциала социальной напряженности лежит неудовлетворенность, возникающая как результат несоответствия, рассогласования ценностей, интересов, потребностей различных социальных субъектов и первый шаг на пути осознания ими реального противоречия [1]. Неудовлетворенность представляет собой социальный феномен, в пространстве которого происходит трансформация объективного противоречия в процесс его осознания социальными субъектами. Неудовлетворенность может рассматриваться и как своеобразная точка отсчета, с которой этот процесс берет свое начало.

Один из центральных этапов превращения неудовлетворенности в социальную напряженность — идентификация лиц, групп, организационных структур региона, блокирующей деятельность, движение к намеченным целям. Взаимная идентификация участников событий превращает объективно существующую конфликтную ситуацию в ее субъективное отображение в форме переживания конфликтной ситуации. В качестве основного механизма на этом этапе действует избирательная рациональность, сводящаяся к выявлению и метке среди окружающих противников и союзников.

Трансформация неудовлетворенности в субъект-субъектное отношение позволяет рассматривать ее как специфическое явление социальной действительности — социальную напряженность. Нарастание социальной напряженности и вызревание условий для социального конфликта происходит в процессе становления субъект-субъектных отношений неудовлетворенности, выявления и идентификации контрагентов отношений неудовлетворенности как реальных или потенциальных виновников определенного дефицита ресурсов, недостаточности статуса или влияния, ущемленности или неприятия ценностей.

Конфликт по своей природе субъективен, поскольку возникает в ходе осознания социальным субъектом своих интересов и целей. Будучи осознанным, конфликт может быть разрешен только сознательными, субъективными усилиями сторон. В связи с этим следует подчеркнуть, что темпы процесса осознания, объ-

ективно различные у разных сторон потенциального конфликта, определяют различные уровни социальной напряженности.

Одним из важных факторов, усиливающих социальную напряженность, на наш взгляд, выступает неспособность социального субъекта адекватно интерпретировать сущность зарождающихся конфликтных отношений, что неизбежно накладывает отпечаток не только на их текущий характер, но и на эффективность рассматриваемых и принимаемых стратегий их становления и развития, обуславливающих зачастую как жесткость, так и безадресность становящегося потенциала социальной напряженности и агрессивности.

Рассматривая социальную напряженность как проявление неудовлетворенности, необходимо иметь в виду, что ею далеко не всегда может исчерпываться сущность последней. Более того, феномен социальной напряженности, при определенных условиях, может искажать реальную картину неудовлетворенности конкретных социальных субъектов различными сторонами своей жизнедеятельности. Опасность такого искажения существенно возрастает тогда, когда неудовлетворенность приобретает многослойный, многомерный характер, создавая условия как для сознательной или бессознательной подмены объекта неудовлетворенности, так и для деформации процесса ее персонализации. Представляется, что в многонациональном, многоконфессиональном регионе возможность таких подмен и деформаций существенно выше, чем в других локально-территориальных общностях.

Искажение картины неудовлетворенности нередко связано с тем, что в социальном пространстве региона не представлены или неадекватно представлены интересы различных социальных групп. Наличие «непредставленных интересов» нередко обусловлено не только отсутствием или неэффективностью механизмов их выявления, но и позицией властной элиты, по существу игнорирующей их. Следует подчеркнуть, что властные элиты объективно заинтересованы в наличии структур, в той или иной мере оптимизирующих ситуацию в социальной сфере. Вместе с тем, подобные структуры на определенных этапах развития региона могут утратить свою эффективность, действенность. Важной причиной такой утраты нередко выступает политика властной элиты, игнорирующая общественную необходимость, жизненно необходимые потребности отдельных социальных групп.

Одним из важных факторов становления социальной напряженности выступает процесс институализации отношений в социальной сфере региона, который на определенном этапе приводит к ослаблению ее способности к изменениям в соответствии с изменениями социальной реальности, усилению жесткости, «окаменеению» [6]. Утрата гибкости социальными институтами, призванными «фиксировать» устойчивые типы отношений, ведет к искажению, деформации процесса их закрепления в социальном пространстве региона. С другой стороны, ориентация на воспроизводство устаревающих, неадекватных социальной реальности типов отношений блокирует становление и развитие новых, продуцирующих условия для удовлетворения как актуальных, так и перспективных социальных потребностей.

Следует подчеркнуть, что эффективно функционирующие социальные институты могут быть использованы элитой для канализации недовольства, напряжения, накапливающихся в социальной сфере, для воздействия на другие элементы этой сферы, выстраивая из них гибкую систему, обеспечивающую необходимый уровень социальной напряженности, локализирующую или оптимизирующую социальный конфликт в регионе.

Анализ социальных напряжений в регионе требует особого внимания к явлениям, которые Й. Галтунг определяет как структурные конфликты, а вызывающие

их причины обозначает понятием структурного насилия [7]. Структурное насилие может быть обозначено как насильственное воздействие определенных социальных структур в отношении отдельных индивидов или социальных групп. Осознание последними сущности, направленности структурного насилия во многом определяет их готовность к насильственным действиям, которая выступает важным показателем процесса трансформации социальной напряженности в открытый конфликт. Данный подход предполагает оценку готовности различных социальных групп ответить насилием на ощущаемое в той или иной мере структурное насилие.

Концепция структурного насилия имеет важное значение для понимания современной ситуации в регионах России, где структурные конфликты широко распространены, способствует пониманию природы конфликтных процессов, формированию основы их адекватного регулирования и предупреждения.

Ядром насильственной структуры является неравный обмен, в результате которого определенные вышестоящие лица или социальные группы получают значительно больше благ и возможностей, чем другие, нижестоящие.

Структурное насилие может воздействовать на физическое состояние человека. Примером может служить неблагоприятная экологическая обстановка, резкое падение уровня жизни определенных социальных групп, что провоцирует стрессы, преждевременные сердечно-сосудистые заболевания, злокачественные опухоли и т.п. Структурное насилие также может влиять на психику и сознание индивидов и групп. Манипулирование сознанием нижестоящих социальных субъектов в сочетании с ограниченной информацией о тех или иных событиях и социальных процессах, маргинальность в совокупности с разобщением, отделением нижестоящих друг от друга препятствуют осознанию ими неудовлетворенности своим положением и обусловленной этим мобилизации — двум условиям, необходимым для защиты собственных интересов.

Структуры власти, ответственные за распределение ресурсов, попадая под контроль определенных, сравнительно небольших групп людей, могут монополично распространять право принятия решений из области политики в другие социальные сферы. Ситуация усугубляется тем, что социальные группы, имеющие низкие доходы, как правило, имеют низкий уровень образования, здоровья, позиций во власти. Неравное распределение ресурсов, к тому же неэффективное с точки зрения стабильного развития региона, порождает множество социальных проблем, которые провоцируют различные формы прямого насилия и структурные конфликты. Специфика конфликтов данного типа заключается в том, что их участники чаще всего не имеют никакого отношения к лицам, ответственным за структурное насилие, и не подозревают о том, что являются его жертвами. Показательны в этом отношении результаты, полученные польскими социологами, которые проанализировали структурные конфликты последних двух десятилетий XX века в Польше. Они фокусируют внимание не на решимости различных социальных групп достичь своих целей, а на «актерах», формирующихся на массовом уровне, чьи требования адресованы не столько другой социальной группе, сколько системе власти, при которой они живут, представляя тем самым вызов легитимности системы [8].

Мы рассматриваем этап формирования социальной напряженности как предконфликтную ситуацию, «как наиболее благоприятный момент для вмешательства по преодолению конфликта» [9]. На этом этапе, в силу его достаточной продолжительности, латентного характера происходящих внутри него конфликтных

процессов, обеспечивается возможность не только точно отслеживать и прогнозировать характер и последствия разворачивающегося конфликта, но и найти средства и способы ухода от его негативного разворачивания в открытой, тем более насильственной форме.

Оценка и прогноз возможностей оптимизации конфликтного потенциала региона, нарастающего по мере возникновения и усиления напряженности в основных сферах его жизни, разработка мер по его контролю и снижению предполагают выявление и анализ необходимой и достаточной совокупности механизмов социального регулирования, которыми располагают функционирующие, становящиеся и уходящие социальные институты, установления, общности. На наш взгляд, одним из наиболее эффективных механизмов является мониторинг социальной напряженности в регионе.

Особое значение, в плане разворачивания и концептуального обеспечения действенного конфликтологического мониторинга, приобретает именно этап становления и развития социальной напряженности, в рамках которого сохраняется возможность не только прогнозирования и управления социальным конфликтом, но и выявления факторов снижения конфликтогенной активности, нейтрализации конфронтационного сознания и поведения, способных любой элемент социальной неудовлетворенности превращать в открытый социальный конфликт.

Социологическая модель становления и динамики социальных напряжений, на наш взгляд, должна включать, как минимум, следующие структурные и динамические показатели:

- фиксирующие процесс усиления неудовлетворенности различных социальных субъектов условиями жизнедеятельности;
- фиксирующие процесс выявления и осознания причинно-следственной связи между характером объекта неудовлетворенности и деятельностью или бездеятельностью других социальных субъектов, вызывающей социальную напряженность;
- фиксирующие процесс усиления социальной напряженности в процессе уточнения, нюансировки позиций взаимодействующих субъектов;
- фиксирующие готовность различных социальных групп ответить насильем на ощущаемое в той или иной мере структурное насилие, определяющей процесс трансформации социальной напряженности в открытый конфликт.

Мы исходим из того, что наиболее перспективным способом управления социальным конфликтом является оптимизация социальной напряженности, предполагающая изучение в мониторинговом режиме не только состава и структуры этих социальных явлений, но и процессов их становления, взаимопревращения, последовательности и соотносительности в социальном пространстве региона.

Осмысление и эффективное использование эвристического и практического потенциала категории «социальная напряженность» имеет важное значение для разворачивания исследований природы, функций, динамики структурных конфликтов, для поиска возможностей их диагностики и регулирования. Ее значимость обусловлена тем, что в ней отражена важная характеристика внутреннего состояния и взаимоотношений личностей, социальных групп и общностей в условиях региона, особенно в периоды его переходного, кризисного развития.

Таким образом, фиксация «степени неудовлетворенности» населения региона, позволяющая уточнить направления исследования социальной напряженности, открывает перспективу соотношения ее (степень неудовлетворенности) с составом и структурой социальных субъектов, на которые в той или иной мере возлагается

ответственность, вина за существующее положение дел, в частности, за характер, направленность, динамику ощущаемого структурного насилия.

Полученные в ходе такого исследования результаты могут послужить в качестве методологической и эмпирической основы описания и анализа пространства социальной напряженности, за границами которого возникает реальная угроза неконтролируемых, непредсказуемых конфликтов, ведущих к усилению кризисных тенденций в условиях региона.

Литература

1. Куконков, П.И. Социальная напряженность как этап в процессе развития конфликта / П.И. Куконков // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 9. — М., 1995. — С. 9.
2. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. — М., 1901.
3. Parsons, T. The Structure of Social Action / T. Parsons. — N.-Y., 1937. — P. 480.
4. Smelser, N.J. Theory of collective behavior / N.J. Smelser. — N.-Y.: Free Press, 1962. — P. 81.
5. Рукавишников, В.О. Социальная напряженность / В.О. Рукавишников. // Диалог. — 1990. — № 8.
6. Кудрявцев, В.Н. Механизмы социальной деформации / В.Н. Кудрявцев // Вопросы философии. — 1989. — № 11.
7. Galtung, J. Violence, peace and peace research / J. Galtung // Journal of Peace Research. — 1969. — Vol. 6. — № 3.
8. Адамский, В. Динамика структурного конфликта в ходе смены системы: Польша в 1980–2000 гг. / В. Адамский, В. Заборовский, К. Пелчиньска-Наленч // Социс. — 2002. — № 6.
9. Запрудский, Ю.Г. Социальный конфликт / Ю.Г. Запрудский. — Ростов, 1992. — С. 43–48.